

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог. Письмо в бутылке 7

Глава 1

Вино 9

Глава 2

Пиво 31

Глава 3

Виски 55

Глава 4

Джин 79

Глава 5

Водка 101

Глава 6

Абсент 123

Глава 7

Текила и мескаль 145

Глава 8

Ром 165

Эпилог. На дворе самое прекрасное время,
на дворе самое злосчастное время... 185

Благодарности 187

Об авторах 189

Примечания переводчика 190

Пролог

ПИСЬМО В БУТЫЛКЕ

А я уже не мог остановиться. Да уж, я был в ударе! Мозг работал очень уверенно. Каждая мысль сидела в своей клетке, готовая вырваться наружу, словно узник, ждущий в глухую полночь сигнала к побегу. И каждая мысль была как откровение, точная, четкая, образная. Алкоголь озарил мой мозг ярким светом. Джон Ячменное Зерно пожелал излить свою душу и выбалтывал сокровенные тайны моими устами.

Джек Лондон. Джон Ячменное Зерно (1913)¹

Человечество с давних пор обращается к выпивке, пытаясь вызвать творческое вдохновение. Началось это даже не во времена Бахуса, а гораздо раньше. В нашем распоряжении — очень неплохо задокументированная история алкоголя и того, как писатели, художники, музыканты использовали его, чтобы подстегнуть воображение и поймать неуловимую музу. На протяжении многих лет ревнители трезвости живописуют губительное действие питья, но в литературном каноне имеется множество примеров, заставляющих предположить по меньшей мере *некоторую* связь между приемом спиртного и появлением великих текстов.

Правда, ум и тело ряда писателей в конце концов серьезно пострадали от воздействия алкоголя, а их доступ к музе оказался недолговечным. Джек Лондон, Малькольм Лаури, Эрнест Хемингуэй, Фрэнсис Скотт Фицджеральд, Эдна Сент-Винсент Миллей, Джек Керуак — все они воспаряли под действием этого зелья, достигали невероятных высот, но вскоре падали и сгорали. Другим

авторам — например, Джеймсу Джойсу, Герману Мелвиллу, Майе Энджелу — все-таки удавалось пользоваться теми преимуществами, которые алкоголь дарует творческим людям, раскрепощая их сознание, и при этом не поддаваться его пагубному влиянию.

В журнале *Consciousness and Cognition* сообщается об исследовании, которое провели в 2012 г. Эндрю Ярош, Грегори Колфлеш и Дженнифер Уайли из Иллинойского университета в Чикаго. Оно вроде бы подтверждает идею о том, что «нестандартное мышление» (необходимую предпосылку творческой деятельности) можно подхлестнуть с помощью нескольких рюмок. Авторы статьи под названием «Откупорить музу» делятся следующим открытием: в ходе экспериментов выяснилось, что в трезвом состоянии испытуемые выполняют словесные творческие задания не так быстро, как их собратья, которые немного приняли на грудь.

Помимо пользы, которую алкоголь может принести творчеству, не мешает отметить, что (во всяком случае мы так полагаем) нет большего удовольствия, чем чтение хорошей книги под хорошую выпивку! Плоды трудов некоторых писателей, как и виноделов, сегодня идут с молотка за астрономические суммы. Недавно 10 бутылок бордо Château Mouton Rothschild урожая 1945 г. продали на аукционе за \$343 000, а первое издание «Великого Гэтсби» Фицджеральда (1925 г., с автографом) ушло за \$162 500. Чем не доказательство, что мы ценим выпивку — и авторов, которые любили заложить за воротник?

Вероятно, нет ничего удивительного в том, что идея этой книги (об истории спиртного и великой литературы, в сопровождении массы развеселых иллюстраций) зародилась в тускло освещенном баре после тяжелой недельки в художественной мастерской. Этому предшествовало потребление нескольких «Сайдкаров»², очень способствующих восстановлению сил. Два года и множество коктейлей спустя Муза Выпивки благословила нас этой самой книгой. Ваше здоровье!

Монти Бошамп и Грег Кларк,
октябрь 2018 г.

ВИНО

Глава 1

Вино — это поэзия, разлитая по бутылкам.

Роберт Льюис Стивенсон. Поселенцы Сильверато (1884)

Сколько бы выпивологи ни дискутировали, какое спиртное более древнее (вино или пиво), ясно одно: вино вдохновило людей на более захватывающие стихи и прозу. И кроме того, породило особую категорию авторов, которые ухитряются зарабатывать на жизнь писанием текстов, посвященных исключительно этому напитку. Вообразите себе винного критика (фигуру, столь часто подвергающуюся насмешкам) с его золотым небом, способным уловить в содержимом бокала самые разные оттенки: карандашного грифеля, седельной кожи, асфальта, древесины сигарной коробки, кошачьей мочи, мокрой собачьей шерсти.

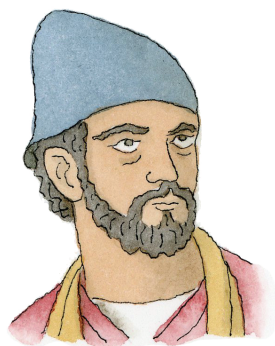
Неважно, какой напиток появился раньше, главное, что по счастливой случайности гоминиды каменного века открыли опьяняющие свойства прокисшего (забродившего естественным путем) фруктового сока. Наши предки, конечно, не могли предугадать, что эта влага, которую они решили отведать, со временем разбудит человеческое воображение, смажет колеса цивилизации и опередит все жидкие освежители в истории по количеству упоминаний в письменных текстах.

ДАВНЫМ-ДАВНО, В ДАЛЕКОЙ ГРУЗИИ...

Многие историки считают именно Грузию местом, где появились первые вина. Жители плодородных долин Закавказья делают вино уже 8000 лет по старинной технологии, не требующей использования деревянных бочек, бродильных чанов или каких-то систем слежения за процессом. Вместо этого они применяли (и применяют до сих пор) *квеври* — гигантские терракотовые сосуды из особой местной глины, покрытые изнутри воском.

Эти огромные кувшины закапывали в землю, наполнив ягодами винограда, которые бродили под действием дрожжевого грибка на протяжении двух недель. Потом сосуды запечатывали: напиток в них дозревал 6–12 месяцев.

Шота Руставели

Грузинский национальный поэт Шота Руставели одним из первых воспел местные вина. В его эпической поэме «Витязь в тигровой шкуре» (написанной в XII в., задолго до «Смерти Артура» Томаса Мэлори) повествуется о рыцарях и рыцарстве, о дружбе и возвышенной любви. Поэма пронизана отсылками к здешней культуре виноделия и винопития.

ДИКИЙ ВИНОГРАД КИТАЙСКОЙ ДРЕВНОСТИ

В Древнем Китае напиток из перебродившего винограда появился еще в доисторическую эпоху: во времена неолита, примерно за 7000 лет до н. э. Но масштабное производство виноградных вин началось лишь при династии Тан (618–907 гг.).

*Серебряный кубок
времен династии Тан*

Жуань Цзи

Жуань Цзи (210–263), поэт из Восточной империи Хань, писал, свидетельствуя о несравненных качествах вина как стимулятора творчества: «Выпитая чаша вина способна породить сотню поэтических строф».

Вино воспевал и величайший китайский поэт Ли Бо (701–762). Одно из самых знаменитых его стихотворений называется «Пробуждение в весенний день после пьяного сна». Он и погибнет пьяным — утонет в реке, пытаясь обнять отражение луны.

ВИНО ПЕРСИДСКОЙ СТАРИНЫ

В ходе недавних раскопок на территории нынешнего Ирана удалось найти керамические сосуды, датируемые примерно 3100–2900 гг. до н. э. В них обнаружили винную кислоту: признак того, что там некогда находилось вино.

Древнеперсидский
питейный сосуд

Согласно легенде, вино открыли, когда одна девушка, отвергнутая владыкой, в отчаянии пыталась покончить с собой, отравившись густой жижой, в которую превратился прокисший виноград. Ее настроение волшебным образом улучшилось, и на другой же день она сообщила о своем пьянящем открытии правителю, который щедро вознаградил ее.

Стихи Омара Хайяма, персидского поэта и философа XI–XII вв., так и сочатся упоминаниями вина и той радости, которую оно вносит в наше мимолетное земное существование. Вот что он пишет в «Рубайате»:

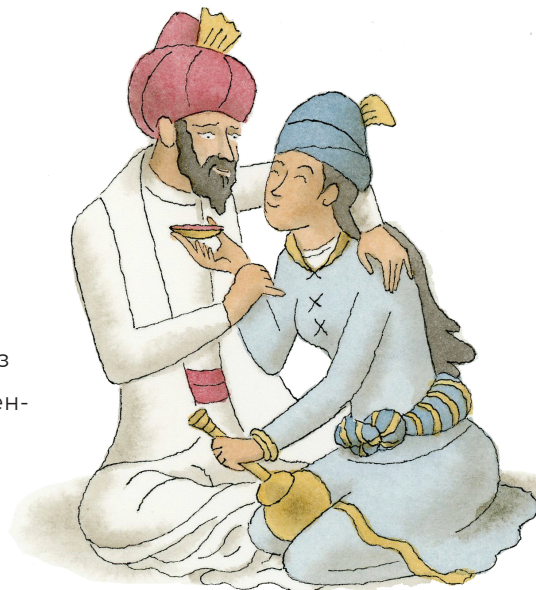
В одной руке цветы, в другой —
бокал бессменный,
Пируй с возлюбленной,
забыв о всей вселенной,
Покуда смерти смерч
вдруг не сорвет с тебя,
Как с розы лепестки,
сорочку жизни бренной!

Позже, в XIV в., персидский поэт-суфий Хафиз воспевал вино как символ любви и божественного начала:

Из большого кувшина
ты пей Единенья вино,
Чтоб смыть с сердца всю тщетность
печалей юдоли подлунной.

Омар Хайям

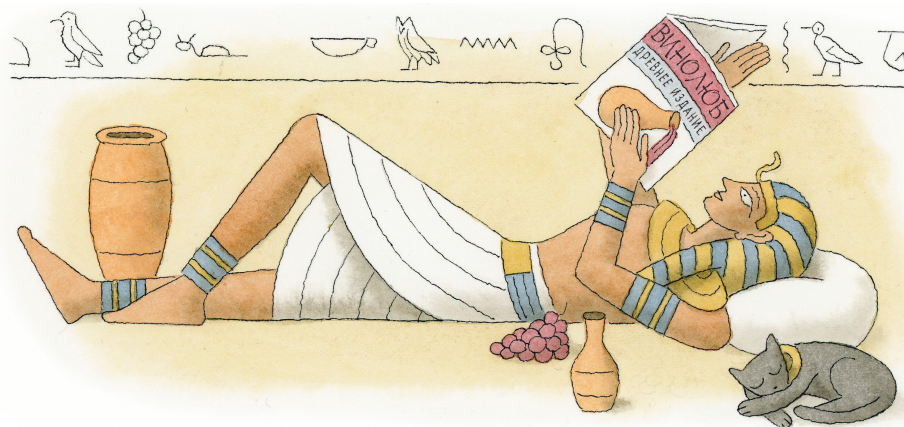

Хафиз

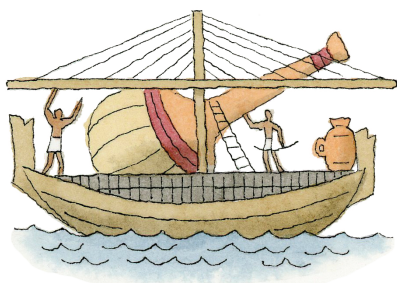
Но пусть сердце твое широтой не уступит кувшину,
Открывай его чаще — как ты открываешь бутылки с вином.
Когда вином твой полон рот, исчезло себялюбье,
И всем своим талантам ты не в силах петь хвалу.
Но для людей благочестивых
Пить сей нектар — великий грех.
Пускай меня они не судят:
Я им смываю лицемерья
Проклятый цвет.

ЕСЛИ ТЫ ПЬЕШЬ С ФАРАОНАМИ...

В дельте Нила винная культура появилась еще около 3100 г. до н.э. Вино употреблялось главным образом при дворе фараонов и знати. Чтобы облегчить египетским правителям путешествие в загробный мир, в их гробницы часто помещали изрядный запас вина.

Судя по химическому анализу осадка, обнаруженного в сосуде, который извлекли из гробницы Тутанхамона, фараон предпочитал красное. В этом склепе множество емкостей с вином, на каждой указано его происхождение, имя главного винодела и год.

Египтяне делились своими винодельческими познаниями с финикийцами, которые затем разнесли эти сведения по всему тогдашнему миру.

ОДА ГРЕЧЕСКОМУ КУВШИНУ С ВИНОМ

Вино пришло (точнее, приплыло) в Древнюю Грецию примерно в 1200 г. до н. э., как раз благодаря финикийским морякам, сумевшим пересечь Средиземное море. Напиток играл важную роль в античной культуре, и его достоинства превозносились в стихах и песнях. Древнегреческим богом вина считался Дионис (римляне именовали его Бахусом).

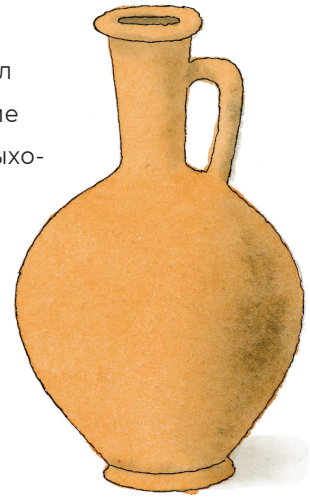
Для античных философов вино и философия были неразделимы. Их «симпозиумы» больше напоминали дружеские пирушки с философскими дискуссиями. Платон некогда изрек: «Боги не даровали людям ничего прекраснее и ценнее вина».

Вино часто упоминается в сочинениях драматурга Аристофана, который полагал, что оно способствует творчеству. Один из персонажей его пьесы «Всадники» требует «кувшин вина, дабы омочить в нем мозги и сказать что-нибудь умное».

Фукидид

Древнегреческий историк Фукидид отмечал цивилизующее, облагораживающее влияние вина: «Народы Средиземноморья начали выходить из состояния варварства, обучившись выращиванию маслин и деланию вина».

Древнеримский кувшин для вина

IN VINO VERITAS

Римская империя подхватила эстафету у греков, доведя до совершенства сам процесс производства напитка и заложив основу практически всех винодельческих регионов, донныне существующих в Западной Европе. Римляне первыми стали использовать для хранения и перевозки вина не глиняные сосуды, а деревянные бочки и стеклянные бутылки, позаимствовав их соответственно у галлов и сирийцев.

Древнеримский поэт Вергилий, записывая наставления для виноградарей, поделился советом, который справедлив и по сей день: «Лоза любит холмы на просторе».

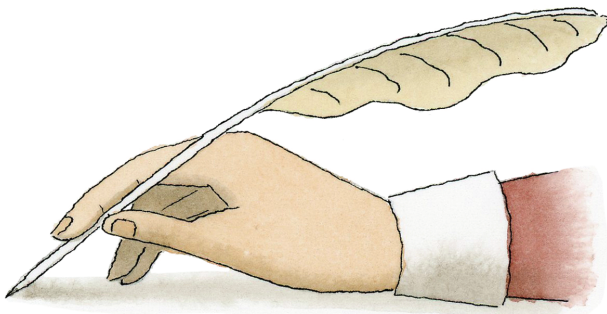

Плиний Старший с римским питьевым рогом

Плиний Старший, естествоиспытатель I в. и автор «Естественной истории», много писал о винной культуре, в частности выстраивая по ранжиру «лучшие грозди» Рима (сорта винограда). Это он ввел понятие *терруара* (как мы называем это сегодня) — совокупности климатических, почвенных и прочих особенностей региона, придающих уникальный характер вкусу вина, сделанного из местного винограда. Ему также принадлежит знаменитый афоризм «In vino veritas» («Истина — в вине»).

Гораций был очень привязан к вину. Размышляя о смерти, он был больше опечален предстоящей разлукой со своим винным погребком, нежели с женой. А вот что он думал о поэтическом вдохновении: «Стихи, написанные водопойцами, никогда не удостоятся ни признания, ни долгой жизни».

ВЕСЕЛЫЙ БАРД С БЕРЕГОВ ЭЙВОНА

В Англии времен Уильяма Шекспира (1564–1616) вино стоило примерно в 12 раз дороже, чем эль, напиток простолюдинов. Как правило, им наслаждались лишь высшие классы. Поскольку местный климат не подходил для виноградарства, вино в основном привозили из Франции, Испании и Греции. Кроме того, в елизаветинскую эпоху был очень популярен так называемый сак, сладкое вино вроде современного шерри: дополнительную крепость ему придавали, добавляя бренди.

О личных предпочтениях Шекспира известно мало, но, как человек обеспеченный, он, несомненно, мог позволить себе не только эль. Судя по воспоминаниям знакомых, Шекспир не принадлежал к числу непросыхающих кутил вроде его современника Кристофера Марло. Но логично предположить, что драматург пил этот напиток не без удовольствия: различные виды вина (мускат, рейнское, бордо, канарское, мальвазия) упоминаются в его произведениях гораздо чаще, чем эль или пиво.

*Гостям ведь хорошо, раз хороши
Компания, вино, гостеприимство.*

«Генрих VIII», акт I, сцена 4²

*...Ни один человек в мире
не в силах рассмешить его... что,
впрочем, нисколько не удивительно,
так как он вина не пьет!*

«Генрих IV» (Часть вторая),
акт II, сцена 4³

*Вино иссякло, и в одних подонках
Найти утеху может этот свод.*

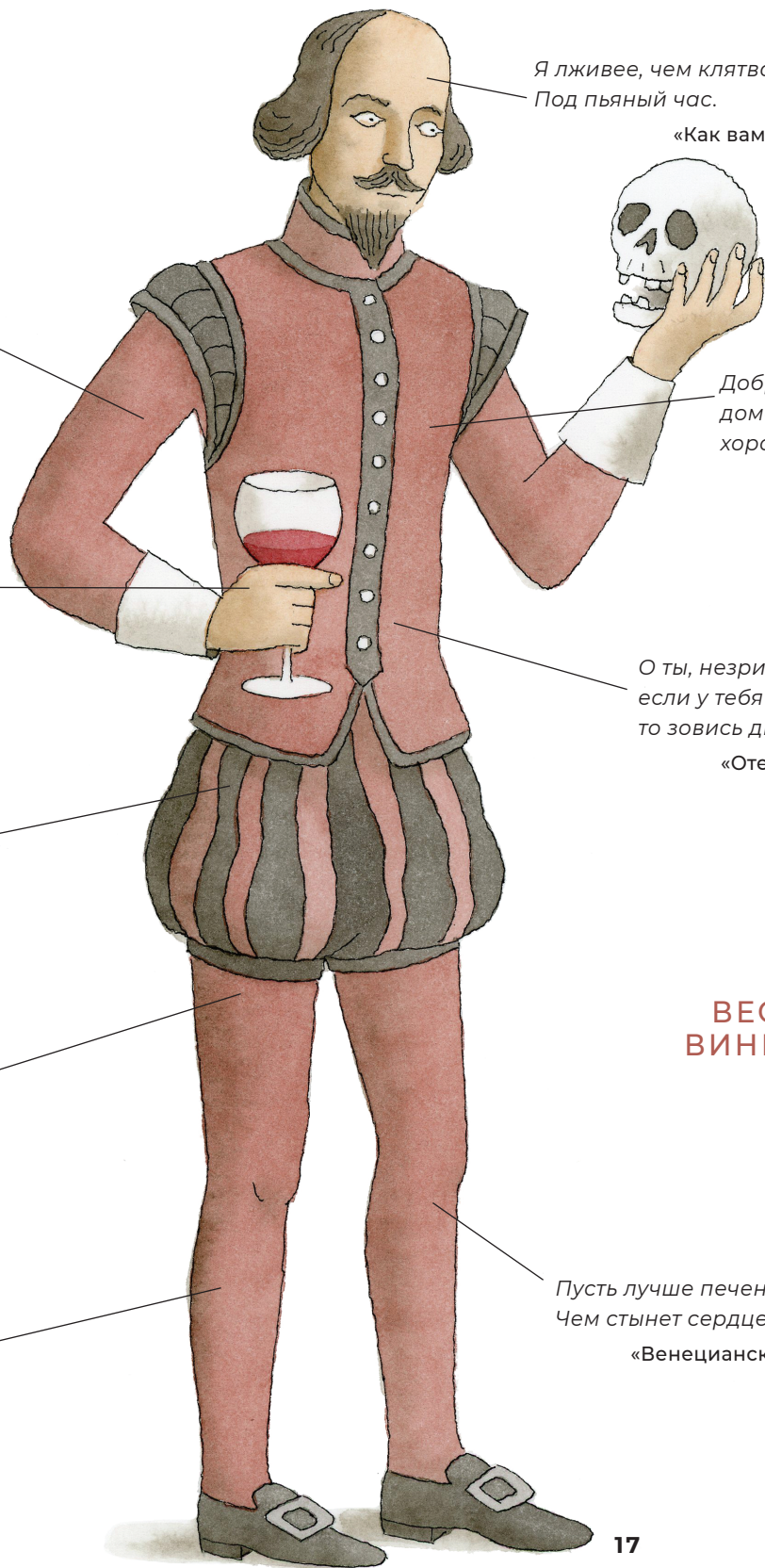
«Макбет», акт II, сцена 4⁴

*Дай мне кубок!
В нем утоплю я нашу ссору, Кассий.*

«Юлий Цезарь», акт IV, сцена 3⁵

*Устал я,
И память притомилась. Мне б вина.*

«Кориолан», акт I, сцена 9⁶

Я лживее, чем клятва, что дана
Под пьяный час.

«Как вам это понравится», акт III, сцена V⁷

Доброе вино — это добрая
домашняя тварь, если с ним
хорошо обращаться.

«Отелло», акт II, сцена 3⁸

О ты, незримый дух вина,
если у тебя нет своего имени,
то зовись дьяволом!

«Отелло», акт II, сцена 3⁹

ВЕСЬ МИР — ВИННЫЙ ТЕАТР

Пусть лучше печень от вина горит,
Чем стынет сердце от тяжелых вздохов.

«Венецианский купец», акт I, сцена 1¹⁰

VIVE LE VIN FRANÇAIS!¹¹

Франция, чьи благословенные почвы и климатические условия идеально подходят для виноградарства, долгое время царила в мире как главный поставщик изысканного вина (конкуренцию ей составила лишь Калифорния во 2-й половине XX в.). Два ее основных винодельческих региона, Бордо и Бургундия, дают некоторые из наиболее знаменитых и дорогостоящих вин современности.

Томас
Джефферсон

Во время визита в Бордо в 1787 г. Томас Джефферсон, первый настоящий ценитель вина в Америке, заказал 24 ящика Château Haut-Brion, 250 бутылок Château Lafite и неизвестное количество Château d'Yquem.

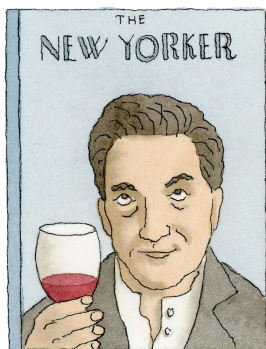
В 1855 г. указом императора Наполеона III была введена официальная классификация вин Бордо: особая система, распределявшая лучшие вина региона по качеству, с I по V категорию (так называемые «крю»). Ею активно пользуются до сих пор; за 160 лет мало что изменилось.

Многие современные любители бордо и бургундского принадлежат к литературной элите.

Британский писатель Роальд Даль, автор «Чарли и шоколадной фабрики» (1964), посвятил вину рассказ «Вкус» (1951), герои которого заключают на званом обеде пари, касающееся качества вина. Даль был страстным коллекционером вин, он очень интересовался бургундским и бордо, особенно урожая 1982 г. (многие полагают, что это величайшее вино современности).

Роальд
Даль

Питер де Врис

Питер де Врис, создатель графических романов, называл себя «винопийцей» и был особенно очарован винами Бургундии: «Мужественное Montrachet и женственное Musigny дают самое изысканное единение с землей, воздухом и небом, доступное человеку». Популярный афоризм «Пиши пьяным, редактируй трезвым» часто приписывают Эрнесту Хемингуэю. Однако нечто подобное можно отыскать и в романе де Вриса «Рубен, Рубен» (1964): «Иногда я пишу пьяным, а правлю трезвым, а иногда наоборот. Но в творчестве должны присутствовать оба эти элемента».

МРАЧНЫЙ ЭНОФИЛ

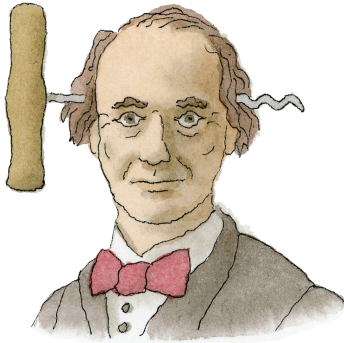
Знаменитый лорд Байрон, автор поэмы «Дон Жуан» (1819), заказал себе кубок из человеческого черепа, обнаруженного садовником в их родовом поместье. Тем

Лорд Байрон

самым поэт воскрешал древнюю традицию, восходящую еще к галльским вождям, пившим из черепов поверженных римлян. Байрон отправил хорошо сохранившийся череп на обработку в город: «Мне возвратили его в превосходно отполированном виде. Тусклой пестротой своей окраски он напоминал черепаший панцирь».

Байрон распорядился выгравировать внутри кубка свое стихотворение о том, что для вместилища ума не может быть более достойного посмертного применения, чем служить костяным сосудом, благодаря которому живущие могут наслаждаться прелестями кларета: «Когда ж — увы! — наш мозг исчезнет навсегда, / Вино ему — замена хоть куда».

Шарль Бодлер

ОДУРМАНЕННЫЙ ЭНОФИЛ

Когда Шарль Бодлер, французский поэт, очеркист и критик, не занимался изучением измененных состояний сознания в опиумных курительнях или клубах любителей гашиша, он всегда обращался к своему «выбору по умолчанию» — вину.

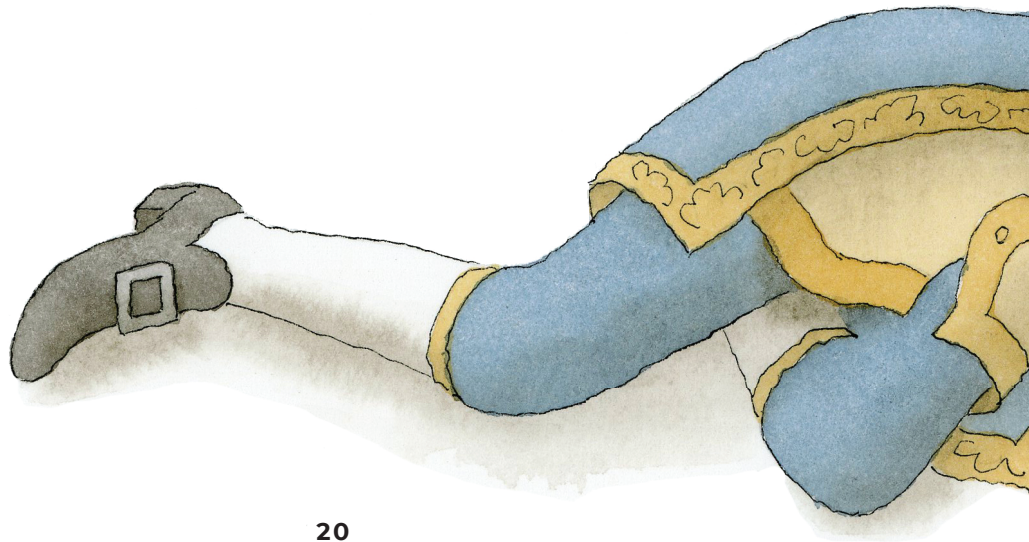
В эссе «О вине и гашише» (1851) Бодлер вопрошает: «Кому неведомы глубинные радости вина? Всякий, кому когда-либо хотелось умерить раскаяние, пробудить воспоминание, утопить печаль, возвести замок в Испании, — короче говоря, решительно каждый — вызывал загадочное божество, таящееся в фибрах вина».

ДОЛИНА НАПА НАЧИНАЕТ ПРОЦВЕТАТЬ

В 1880 г. шотландец Роберт Льюис Стивенсон, будущий автор «Острова сокровищ» (1883), проводил медовый месяц в долине Напа. В «Поселенцах Сильверадо» (1884) он описывает первые шаги местной винной промышленности: «Калифорнийское виноделие пока еще находится на стадии проведения опытов... На участках земли последовательно пробуют выращивать различные сорта винограда, делая заключения, который из них удался лучше, и постепенно, шаг за шагом, нащупывая свой Clos Vougeot, свой лафит».

Роберт Льюис Стивенсон

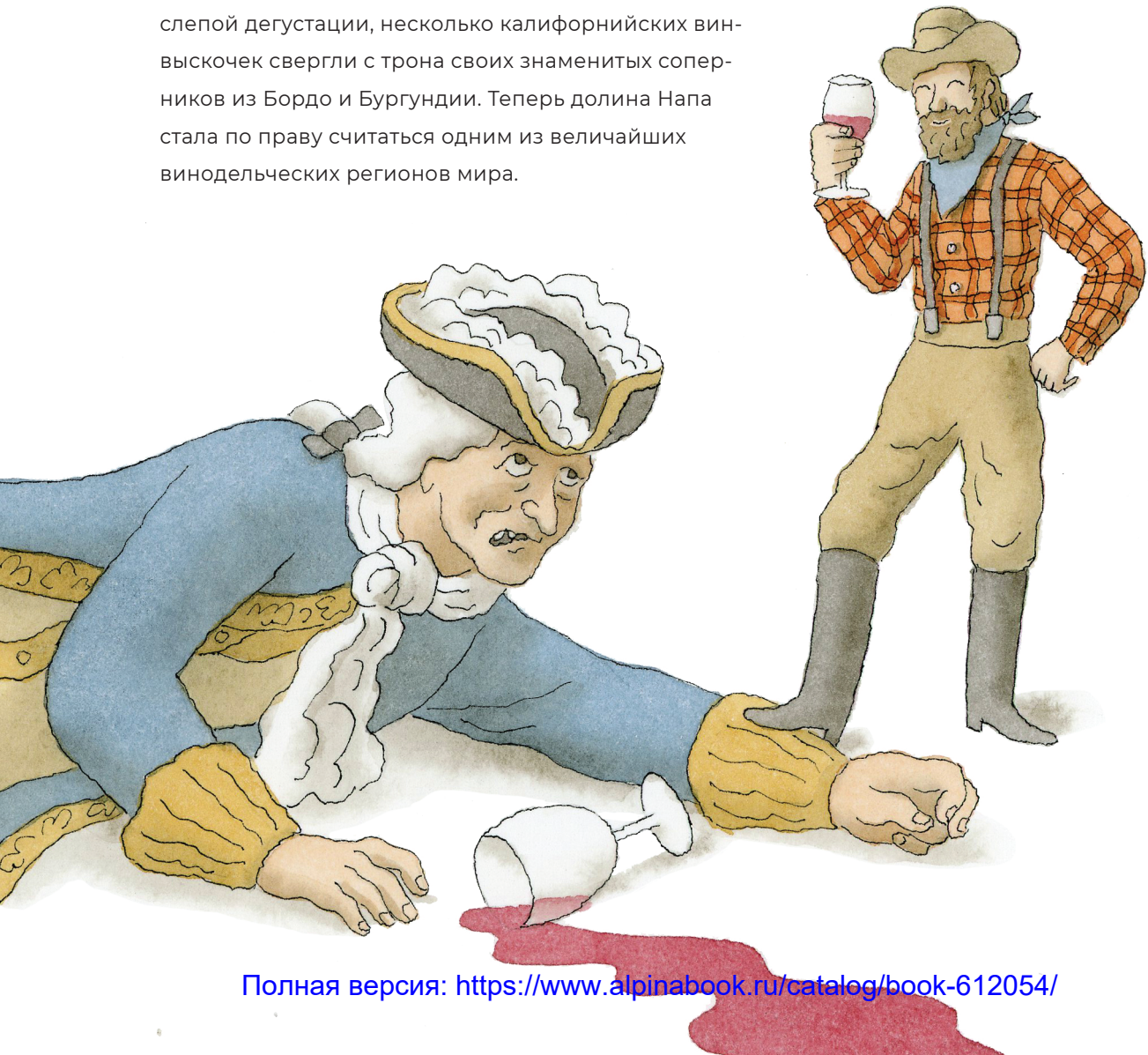

Хуниперо
Серра

ДАВИД И ГОЛИАФ, ИЛИ СУД ПАРИСА

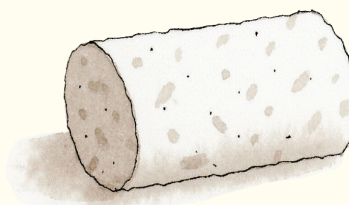
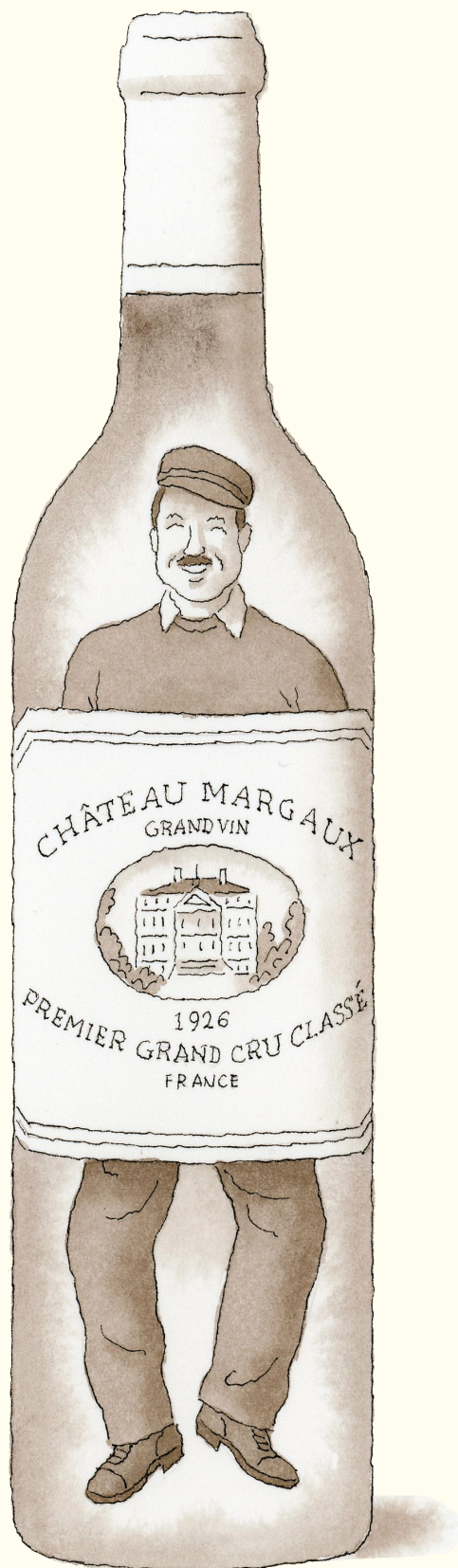
Первый более или менее долговечный калифорнийский виноградник заложил в 1779 г. при миссии Сан-Диего-де-Алькала монах-францисканец Хуниперо Серра. С конца XIX в. местное виноделие медленно, но верно продвигалось к желанной респектабельности, одерживая время от времени триумфальные победы.

Но поворотный момент в его истории настал гораздо позже: 24 мая 1976 г. на «Суде Париса», конкурсе вин, устроенном британским виноторговцем и проходившем по методу слепой дегустации, несколько калифорнийских вин-высочек свергли с трона своих знаменитых соперников из Бордо и Бургундии. Теперь долина Напа стала по праву считаться одним из величайших винодельческих регионов мира.

ПАПА ХЭМ И ЛОЗА

Эрнест Хемингуэй, пожалуй, самая знаковая фигура в алкогольно-литературной мифологии. Он был (если воспользоваться термином, придуманным Генри Менкеном для себя самого) «всепивцем»: пил всё, неизменно получая от этого радость.

После ужасов Первой мировой многие разочарованные американские писатели, чувствуя, что у них на родине искусство ценят всё меньше, уехали в Европу, став частью «потерянного поколения». Среди них был и Хемингуэй, прибывший в Париж в 1921 г. как иностранный корреспондент газеты *Toronto Star*. Вероятно, именно здесь состоялось его первое знакомство с изысканным вином.

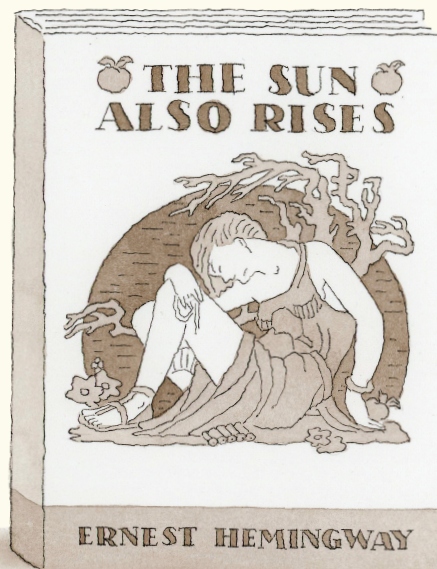
В книге «Праздник, который всегда с тобой» (1964) писатель вспоминает, как они с женой ели дома, поскольку не могли себе позволить ходить по кафе и ресторанам: «Закатим настоящий пир и выпьем бона из магазина напротив»¹². Бон — столица Бургундии, одного из великих винодельческих регионов Франции, и наверняка бон из дешевого парижского магазинчика был очень даже неплох.

Безудержное пьянство, описанное на страницах романа «Фиеста» (1926), можно расце-

нивать как форму протеста Хемингуэя против сухого закона, действовавшего тогда в США. Американец Джейк Барнс, от лица которого ведется повествование, едет с друзьями из Парижа в испанскую Памплону, чтобы посмотреть корриду. В одной только главе 15 компания из трех человек потребляет в общей сложности семь литров вина.

Классический французский лайоль (aiguille; перочинный нож со штопором) в ходу с 1880 г.

Впрочем, ни Хемингуэй, ни его персонажи не брезговали также пить в одиночку, что сулило меньше возможных проблем. В одной из сцен Джейк сообщает: «За неимением другой компании я заказал бутылку “Шато Марго”. Приятно было пить медленно, и смаковать вино, и пить в одиночестве. Бутылка вина — хорошая компания»¹³.

Воспевая испанскую корриду в «Смерти после полудня» (1932), Хемингуэй отдает должное и вину, относя его к «самым цивилизованным и естественным вещам в мире, которые доведены до наивысшего совершенства и дают куда больше возможностей для радости и оценки, чем какая-нибудь еще штука, предназначенная исключительно для ублажения органов чувств».

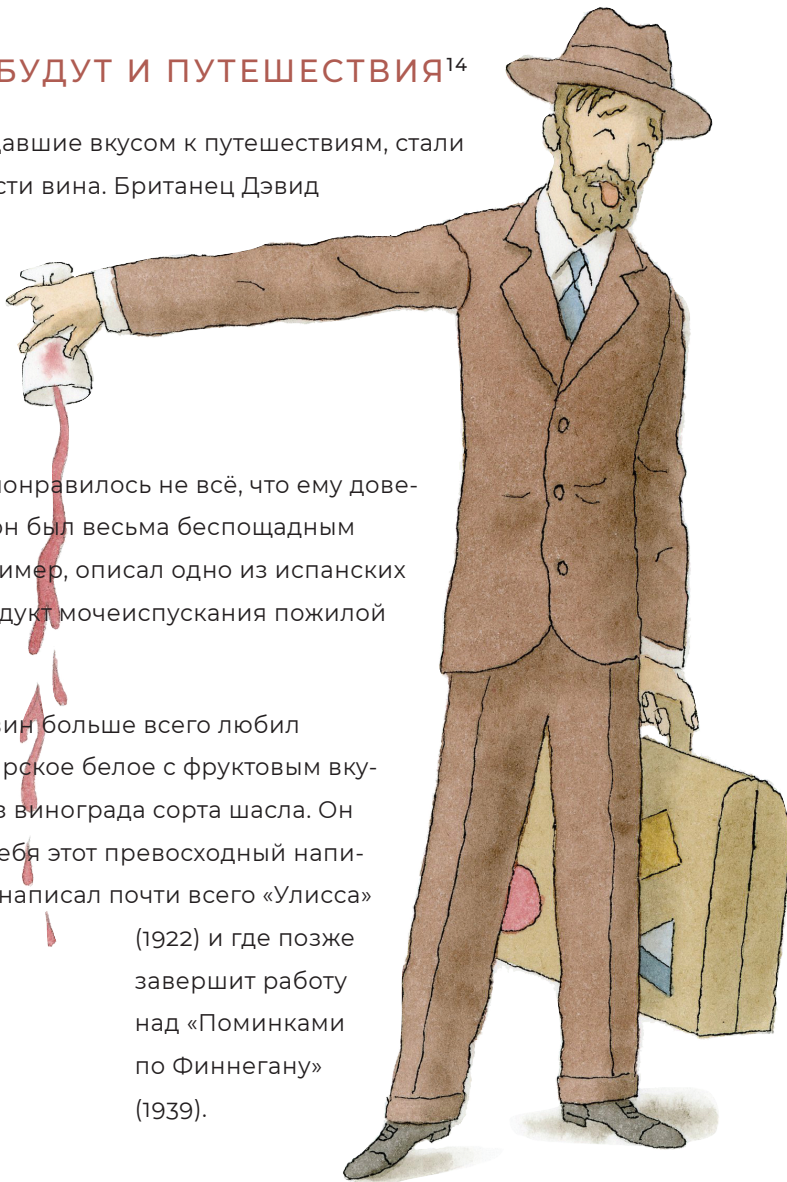
БУДЕТ ВИНО — БУДУТ И ПУТЕШЕСТВИЯ¹⁴

Многие писатели, обладавшие вкусом к путешествиям, стали жертвой притягательности вина. Британец Дэвид Лоуренс объездил всю Италию, Францию, Мексику, США и Австралию — попутно пробуя вино.

Но автору «Любовника леди Чаттерлей» (1928) понравилось не всё, что ему довелось отведать, и порой он был весьма беспощадным винным критиком: например, описал одно из испанских вин как «сернистый продукт мочеиспускания пожилой кобылы».

Джеймс Джойс из всех вин больше всего любил Fendant de Sion, швейцарское белое с фруктовым вкусом, изготавливаемое из винограда сорта шасла. Он наверняка открыл для себя этот превосходный напиток, живя в Цюрихе, где написал почти всего «Улисса»

(1922) и где позже завершит работу над «Поминками по Финнегану» (1939).

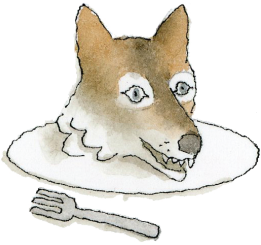

Дэвид Лоуренс

Джеймс Джойс

В «Поминках» он уподобляет вино моче эрцгерцогини (по-видимому, в его устах это большая похвала). На джойсовском шифрованном языке оно именуется «Fanny Urinia».

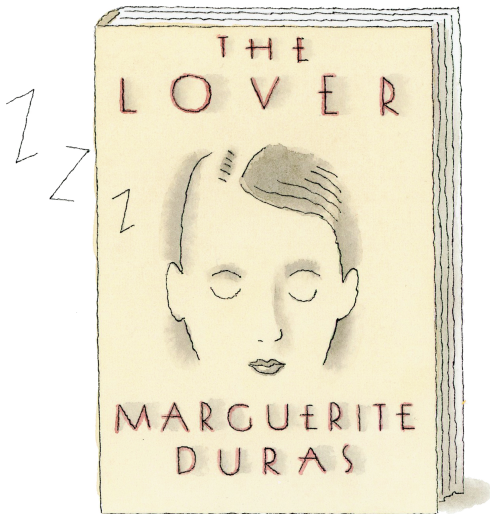
Мэри Фишер, дуайен американской кулинарной литературы, автор книги «Как приготовить волка» (1942), в молодости четыре года прожила в Дижоне, кулинарной столице Бургундии. Там она

получила хорошую прививку по части замечательной французской еды и превосходного французского вина.

В предисловии к «Книге о калифорнийском вине» (1984) она пишет: «Я не могу представить свою жизнь без постоянных мыслей о вине, о том, где для меня росли эти лозы, почему я выбирала именно эти сорта и где я откупоривала старейшие из бутылок, какие только могла достать, и тому подобное: для меня это естественно, как дыхание».

Мэри Фишер

Французская романистка Маргерит Дюрас родилась и выросла во Французском Индокитае, лишь в 17 лет вернувшись в страну предков. Дюрас уверяла, что писала свой роман «Любовник» (1984), будучи постоянно пьяной (это не помешало ему стать очень популярным). В 1991 г. в интер-

вью *The New York Times* она рассказала о роли спиртного в своем распорядке дня: «Я пила красное, чтобы заснуть. Каждый час — по бокалу вина, утром — коньяк после кофе, а потом работала над очередной книгой. Сейчас сама удивляюсь, как я вообще ухитрилась при этом писать».